

телен» (Автобиография. Избранные произведения. С. 25).

Стихи «Черубины» касались самых разных символических тем, они были буквально напоены символистскими знаками: «Эти руки, как гибкие грозди, / Все сияют в камнях дорогих, / Но оставили острые гвозди / Чуть заметные знаки на них» («**Твои руки**»); «Раскрыв незрячие глаза / На мир, где зло с любовью схоже, / Как нам узнать: то Ангел Божий / Иль только Божия гроза» («**В невыразимую пустыню...**»). В стихах Черубины де Габриак особое место занимает тема Петербурга. Образ этого города поэтесса рисовала красками достаточно сильными и проникновенными. После гибели Н. Гумилева город предстал перед ее взором в трагическом облике: «Я вернулась, я пришла живая, / Только поздно, — город мой убит» («**Петербург**», 1922).

Н. Гумилеву В. посвятила не одно стих. Спустя несколько дней после расстрела поэта она писала: «Помню вечер в холодном Париже, / Новый мост, утонувший во мгле... / Двое русских сделали ближе, / Вспоминая о Царском Селе». За 3 года до своей кончины В. с пронзительной тоской вспоминала встречу с Н. Гумилевым: «Погас уже четыре года / Огонь твоих серых глаз. / Сладше вина и меда / Был нашей встречи час» («**Да, целовала и знала...**»). С одобрением о стихах «Черубины» отзывался И. Ф. Анненский, а Волошин, развивая мистификацию, поместил в том же номере «Аполлона» критико-астрологический разбор — «Гороскоп Черубины де Габриак», в котором предрек ей блестящую лит. будущность. Однако разоблачение «Черубины» обернулось ссорой Гумилева и Волошина, закончившейся дуэлью между поэтами (к счастью, не приведшей к трагической развязке) и скандалом в лит. кругах, близких к редакции «Аполлона».

Потрясенная случившимся, В. отходит от активной лит. деятельности, занимаясь в основном переводами. Впрочем, стихи «Черубины» еще появлялись в «Аполлоне» (1910. № 10). После замужества (1911) В. увлеклась антропософией, активно участвовала в деятельности Антропософского общества, ездила с поручениями в Германию, Швейцарию, Финляндию. С 1918 жила в Екатерининском, где сотрудничала с С. Я. Маршаком, писала пьесы для детей, занималась педагогической деятельностью (вместе с Маршаком В. организовала «Детский городок» — с библиотекой, мастерскими и театром). В 1922 переехала в Петроград и поступила в ТЮЗ, где до 1926 заведовала лит. частью. В 1926–27

работала в Библиотеке Академии наук, однако ее деятельность здесь была прервана административной высылкой в Ташкент за связь с Антропософским обществом. Последний год жизни В. был отмечен «новой литературной мистификацией» — циклом стих. «**Домик под грушевым деревом**», написанным от имени китайского поэта-изгнанника Ли Сян Цзы.

В историю русской лит-ры XX в. В. вошла прежде всего как создательница «Черубины де Габриак» — некоего «идеального» образа «декадентствующей» поэтессы 1910-х; подобного рода лит. игра продолжает традиции А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых с их Козьмой Прутковым. Однако созданный В. образ оказался роковым для ее собственного поэтического развития: выйти из-под власти «черубинианы» ей не удалось.

Соч.: Театр для детей: сб. пьес / совместно с С. Маршаком. Краснодар, 1922; Человек с луны: повесть для юношества. Л., 1926; Автобиография. Избранные произведения. М., 1989.

Лит.: Веленгурин Н. Пути и судьбы. Краснодар, 1988. С. 132–170; Васильева Елиз. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» / публ. и вступ. статья Владимира Глоцера // Новый мир. 1988. № 12. С. 132–170; Лозовой Н. Г. Воспоминания о Черубине де Габриак // Черубина де Габриак. Автобиография. Избранные произведения. М., 1989. С. 9–20; Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников. Л., 1990. С. 49–59.

Ю. В. Зобнин

ЧЕТВЕРИКОВ Борис Дмитриевич [19.6(2.7). 1896, Уральск — 17.3.1981, Ленинград] — прозаик, поэт, публицист.

Отец — выходец из Пензенской губ., служил учителем словесности и истории, затем — инспектором гимназий в разных городах Приуралья: Чердыни, Ирбите, Троицке, Уфе... Мать вела свою родословную от казачьего атамана Авдеева (в их роду был известный в XIX в. писатель М. В. Авдеев). Свое детство Ч. называет «лучезарным»; приязнь и любовь витали в родительском доме: книги, самодеятельные спектакли были в семейном обиходе. Имена Пушкина, Белинского, Чернышевского и Л. Толстого прочно оседали в памяти мальчика. В Уфе Ч. закончил гимназию (там же были первые пробы пера), в 1917 поступил в Томский ун-т.

В годы революции и Гражданской войны Ч. прервал обучение и переехал в Омск, где определился в местную газ. на должность корректора. Редактором газ. был В. Г. Янче-

Б. Д. Четвериков

векций, впоследствии автор исторических романов Василий Ян, а одним из сотрудников — Всеволод Иванов, с которым завязалась дружба, прошедшая через десятилетия. Пришлось лицом к лицу столкнуться с жестокой реальностью революционного раскола... «И в этом крошечном аду, — вспоминал позднее Ч., — мы со Всеволодом Ивановым. Между жизнью и смертью. На краю пропасти... В Сибири мы оба уже начинали писать, печатались под псевдонимами: Всеволод — Тараканова, я — Антона Горелова и Изюмова...» (**Все это бывало на веку**. С. 5). Вскоре пришел и первый успех. Посланная на конкурс пьеса **«Антанта»** (под псевдонимом Б. Изюмов) была отмечена первой премией, в течение всего сезона шла в Омском театре.

В нояб. 1922 Ч. переезжает в Петроград. Начинаются годы его активной творческой и общественно-лит. деятельности. В 1924 в изд-ве «Прибой» выходит первая книга его рассказов **«Сытая земля»**. Имя Ч. появляется на страницах ж. «Зори», «Красная новь», «Звезда», «Прожектор» и др. Молодой писатель — один из создателей и активный участник творческого объединения «Содружество», куда входили Б. Лавренев, В. Шишков, Н. Браун, А. Чапыгин, Вс. Рождественский, М. Козаков и др.

Разнообразие тематики и широта жанрового диапазона характеризуют Ч. в ту пору. Признание читателей и внимание критики получили его рассказы, своеобразные по колориту нарисованных картин (**«Лавровый**

лист», **«Зарницы»**, 1926; **«Волшебное кольцо»**, 1924, и др.). Писатель обращается к жанру повести и романа, которые давали возможность более широко воссоздавать действительность. Живой отклик вызвали его романы **«Бунт инженера Карийского»**, **«Заиграй овражки»**, повествующие о трудных путях интеллигенции. Повесть **«Голубая река»** (1933) и роман **«Деловые люди»** (1939) характерно вписались в литру того времени по своей проблематике и по жанровому своеобразию.

В годы Великой Отечественной войны блокадный Ленинград становится судьбой Ч. и содержанием его творчества. **«Бессмертие»** — так он озаглавил сб. рассказов и очерков о подвиге и трагедии ленинградцев. Активно выступает писатель в разных жанрах. Написаны были пьеса **«Вороний камень»** (в соавторстве с Ильей Груздевым), поэмы **«Ночной смотр»** (1942), **«Ленинград»**, **«Наше поколение»** (1944) и др. Поездки на фронт, выступления по радио, в госпиталях. Работа неистовая и горячая, как сказал сам Ч., получила признание общественности и читателей. Все предвещало новые творческие свершения писателя, связанные с опытом трагического времени. Однако все повернулось по-иному: в апр. 1945 по доносу из лит. среды Ч. был арестован. Творческая деятельность художника и гражданина была прервана — 11 лет тюремных застенков, пересылок, лагерей. В 1956 Ч. был реабилитирован и возвращен к гражданской жизни и лит. творчеству.

Великая Отечественная война обострила интерес Ч. к историческому прошлому русского народа, к проблеме его национального характера. Прошлое открывалось в его связи с современностью. В 1961–64 выходит его 2-томный роман **«Котовский»**. Размышления о пути, пройденном страной, об уроках истории определили замысел, осуществленный в его трилогии **«Утро»**, **«Навстречу солнцу»** (оба — 1967), **«Во славу жизни»** (1971). Кругозор историка и наблюдательность бытописателя зримо проявились в этой трилогии.

Ч. спешит как бы наверстать потерянное и упущенное: не только готовит переиздание произведений, находившихся под запретом, но и работает над новыми замыслами, получившими воплощение в стихотворных циклах, в публицистических статьях и очерках. В 1967 выходит стихотворная книга **«Страна задумчивых берез»**, где открыто высказана его неизменная любовь к родной земле.

Испытанное и пережитое в годы лагерного заточения не отпускало: шла работа над книгой воспоминаний «Всего бывало на веку», вышедшей посмертно — в 1991. «Это моя тетрадь, и воспоминание, и дневник, и завещание». Писатель здесь не только вспоминает о лагерных мытарствах, но и размышляет о проблемах жизнеустройства, о судьбе родного народа, о его историческом и духовном достоянии. «Всего бывало на веку» — это лишь одна из книг широко задуманного мемуарного повествования под названием «**Стежки-дорожки**». «Это будет рассказ о тех поколениях,— говорил Ч.,— которые варились в котле Первой мировой войны, которые оказались вслед за тем в самом пекле революции и Гражданской войны, а потом— Великой Отечественной. Мне же довелось еще попасть из огня да в полымя: после войны и блокады — в бериевские застенки и лагеря. Так что в четвертую книгу моей повести войдут 1941–1945 годы, проведенные мной безвыездно в Ленинграде, а в пятую — 1945–1956 годы — страшные для меня одиннадцать лет, прошедшие вне Ленинграда и вне жизни» (Всего бывало на веку. С. 8). Замысел в значительной мере был осуществлен — в архиве писателя остались рукописные материалы и текст повествования «Стежки-дорожки».

Смерть прервала работу писателя: «Жаль. Много чего не успел...» — записал Ч. в дневнике. Однако многое и успел. Помимо лит-ры, талант Ч. проявился в музыке и живописи.

Соч.: Автобиография // Писатели: Автобиографии и портреты. М., 1926. С. 339–341; Повести и рассказы / послесл. Л. Емельянова. М.; Л., 1964; Страна задумчивых берез: стихи. М., 1967; Во славу жизни: роман. М., 1971; Избранное / вступ. статья А. Хватова. Л., 1971; Избранное: в 3 т. / вступ. статья Н. Утехина. М., 1981; Волшебное кольцо: Повести и рассказы 20-х годов / послесл. А. Хватова. Л., 1989; Всего бывало на веку [Воспоминания] / подгот. текста Н. Четвериковой. Л., 1991.

Лит.: Борзунов С. М. Высокой мерой правды: Лит. портрет. М., 1980. С. 269–319; Шуртаков С. И. Как слово наше отзовется: сб. М., 1980. С. 138–148.

А. И. Хватов

ЧИВИЛИХИН Владимир Алексеевич [7.3. 1928, г. Мариинск Кемеровской обл.— 9.6.1984, Москва] — прозаик, публицист.

Отец Ч. работал главным кондуктором на товарных поездах, погиб на производстве в 1937. Военное детство Ч. прошло на станции Тайга. В 13 лет Ч. начал трудовую жизнь

в железнодорожном депо. Окончил железнодорожный техникум на станции Тайга. Семья Ч. перебирается из Сибири в разрушенный войной Чернигов. В 1949 Ч. поступает на ф-т журналистики МГУ и в 1954 получает диплом с отличием. Ч. прошел школу газетчика: он работал в газ. Чернигова, Брянска, Москвы («Комсомольская правда»). Публицистические очерки Ч., роман-эссе «**Память**» содержат богатый биографический материал.

Ч.— убежденный последователь Л. Леонова, первая встреча с которым произошла в 1957 в Переделкине, куда Ч. приехал по заданию «Комсомольской правды». Творческие и дружеские связи Ч. и Леонова продолжались до смерти Ч. Перу Ч. принадлежит статья «**Уроки Леонова**» (Творчество Леонида Леонова. М., 1969). В 1973 вышла книга «Уроки Леонова», подготовленная Ч., в ней собраны размышления писателя и ученых о Леонове (расширенное изд. под названием «О Леонове», сост. Ч., 1979).

Три поездки Ч. 1950-х (1954 — Печора, Воркута, 1957 — на строительство железной дороги в Сибири, 1957 — в Ленинград к студентам Лесотехнической академии, которые работали над проблемой сибирского кедра) дали материал для произведений Ч. Важнейшие особенности творчества Ч.— докумен-

В. А. Чивилихин